

Л. В. Мельникова

Россия и Франция в борьбе за Святые места Палестины и в Крымской войне: церковно-политическая и духовно-религиозная составляющая противостояния

Крымская война стала для России и Франции уже вторым крупным военным столкновением за первую половину XIX в. В начале 1850-х гг. еще живы были многие, помнившие войну православной России и «безбожной» Франции 1812–1814 гг. Теперь, спустя менее 40 лет, племянник Наполеона I, порвавшего в свое время отношения с папским престолом и отлученного от Церкви, выступил в роли борца за интересы католицизма в Святой Земле, что, натолкнувшись на сопротивление Николая I, вскоре вылилось в Восточный кризис, переросший в войну России с франко-англо-турецкой коалицией. Закономерно возникает вопрос: каково было реальное значение церковно-политических вопросов во внешней политике Франции времен Второй республики и Второй империи и как изменился характер духовно-религиозного противостояния двух стран в новой войне?

Крымская война, как известно, была вызвана усилением комплекса противоречий, существовавших между Россией, Францией и Великобританией, а также непосредственным столкновением их интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке. При этом церковно-политические вопросы играли значительную роль в ближневосточном направлении внешней политики всех трех великих держав.

Влияние России в этом важном для нее регионе традиционно опиралось на контакты с Восточными Патриархатами, на постоянную связь с Палестиной в виде потока русских паломников в Святую Землю и, главным образом, на позицию защитника интересов многомиллионного православного населения Османской империи, что было закреплено 7-й статьёй Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.

Великобритания, заинтересованная в сохранении и расширении сферы своего экономического и политического проникновения в огромные турецкие владения, с конца 1830-х гг. стала проявлять повышенное внимание к Палестине. Претендуя на всестороннее преобладание в Османской империи, она стремилась не допустить усиления позиций России в зоне Черноморских проливов и в Ближневосточном регионе в целом.

Что касается Франции, озабоченной в то время укреплением своего положения на международной арене и созданием собственной колониальной империи, то сферой ее интересов на Ближнем Востоке стало возрождение имевшего место со времен Франциска I до Французской революции 1789 г. покровительства католическому духовенству Палестины. К этому направлению внешней политики будущий Наполеон III обратился прежде всего в связи с потребностями политики внутренней. Роль защитника католицизма и поборника французских интересов обеспечивала ему поддержку не только клерикальной партии, но и широких масс населения, которым льстила забота о вечных ценностях веры и о престиже Франции в Святой Земле. Все это свидетельствовало о том, что безбожие эпохи революции и наполеоновских войн во Франции кануло в лету и к середине XIX в. там наметился католический ренессанс. Стремясь также взять реванш за поражение в войне 1812–1814 гг., Франция хотела использовать Турцию как инструмент борьбы против России. Впрочем, в поиске возможных стратегических направлений внешней политики Франция не исключала и союза с Россией. Так, в начале 1853 г. Наполеон III через российского посла в Париже Н. Д. Киселева даже предлагал Николаю I немедленно заключить союзный договор — «une alliance de coeur et de politique» (союз сердца и политики), направленный на вытеснение с Ближнего Востока Великобритании, угрожая при этом в случае отказа «кинуться в объятия Англии», т. е. заключить с ней союз против России¹. Николай I не принял это предложение, и французский император исполнил свою угрозу.

Поскольку в XIX в. в христианской Европе политические противоречия были неотделимы от межконфессиональных, то внезапно обострившиеся в конце 1840-х — начале 1850-х гг. давние разногласия между католическим и православным духовенством в Святой Земле относительно контроля над Святыми местами, будучи поддержаны соответственно французской и российской дипломатиями, вскоре вылились в международный кризис. Спор о Святых местах, который в историографии часто недооценивают, считая лишь поводом к войне², на самом деле вскрыл суть и глубину имевшихся противоречий,

ибо он затрагивал вопрос не собственности и даже не покровительства той или иной конфессии, а политического влияния в регионе. Британский посол в Константинополе Ч. Стрэтфорд-Каннинг уже в самом начале должным образом оценил значение происходившего, сообщив в Лондон, что «настоящий диспут, вероятно, перерастет в борьбу за политическое влияние»³. Как метко подчеркнул А. М. Зайончковский, из-за этого спора «во всей своей сложности вставал Восточный вопрос, который, по выражению одного дипломата, в сущности, являлся вопросом между Западной Европой и Россией»⁴.

Спор о Святых местах, начавшийся в 1847 г. с похищения серебряной звезды, отмечающей место рождения Иисуса Христа в Пещере Рождества (Вертепе) базилики Рождества Христова в Вифлееме, и достигший своей кульминации в декабре 1852 г. после передачи католическому духовенству ключа от главного входа в этот храм, продолжался в течение нескольких лет. Это была своеобразная дипломатическая дуэль между Францией и Россией, осуществлявшаяся путем их давления на Порту с помощью разных средств политического арсенала. Здесь были: требование в мае 1850 г. французского посла в Константинополе генерала Ж. Опики восстановить католическое духовенство в его прежних правах на Святые места согласно договору между Францией и Портой 1740 г.; ответное требование российского посланника В. П. Титова соблюдать в вопросе о Святых местах *status quo*, сложившийся к середине XIX в. и закрепленный действовавшим в то время турецким законодательством; обмен личными письмами между Николаем I и султаном Абдул-Меджидом осенью 1851 г.; прибытие в Константинополь нового французского посла маркиза Ш. де Лавалетта, потребовавшего удовлетворения французских требований под угрозой применения силы; наконец, силовой нажим Николая I, направившего в османскую столицу чрезвычайного посла светлейшего князя А. С. Меншикова⁵. Великобритания сначала придерживалась в этом вопросе нейтралитета, однако осенью 1852 г. начала явно нарушать его в пользу Франции: в частности, именно ей принадлежала идея о частичном удовлетворении французских требований, например о передаче католикам ключа от главной двери Вифлеемского храма, что якобы могло вывести Порту из затруднительного положения. На самом деле не без вмешательства той же Великобритании (британского посла Ч. Стрэтфорда-Редклиффа) все сложилось с точностью до наоборот. Пророческими оказались слова российского поверенного в делах при Порте Оттоманской А. П. Озерова, написанные им еще в ноябре 1852 г.: «Но дело в том, что Вифлеемский ключ не будет ключом к миролюбивой развязке Палестинского вопроса»⁶.

С началом военных действий православная составляющая заняла одно из ведущих мест в идеологическом обосновании войны, проводимом Николаем I и Русской Церковью. Военный конфликт представлялся как борьба за Святые места, за интересы Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи. Так, 20 октября 1853 г. в манифесте «О войне

с Оттоманскою Портою» «законная заботливость Наша о защите на Востоке Православной веры, исповедуемой и народом Русским», была названа Николаем I главной причиной конфликта⁷. После вступления в войну Франции и Великобритании военное столкновение стало представляться как противостояние православной России и «неправославного Запада». Востребованным оказалось и обращение к памяти Отечественной войны 1812 г. Так, 9 февраля 1854 г. в новом манифесте «О прекращении политических сношений с Англией и Францией», вышедшем после введения английского и французского флотов в Черное море, Николай I заявил об отступничестве этих держав от христианства и призвал русский народ в случае необходимости быть готовым повторить подвиг 1812 г.: «Итак, против России, сражающейся за Православие, рядом с врагами Христианства становятся Англия и Франция! Но Россия не изменит Святому своему призванию; и если на пределы ее нападут враги, то Мы готовы встретить их с твердостью, завещанной Нам предками. Мы и ныне не тот ли самый народ Русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года?»⁸ Те же мысли находили отражение и в проповедях церковных иерархов. 10 апреля 1854 г., в Великую субботу, когда англо-французский флот подверг Одессу 12-часовой бомбардировке, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), священнодействовавший в Спасо-Преображенском соборе под гром неприятельского обстрела, заверил прихожан, что, поскольку Россия сражается не за собственные выгоды, а «за веру православную, за Гроб Господень и за угнетенных собратий наших по вере», то Господь защитит ее «от всякого зла». «За Великую Субботою, — сказал архиерей, — всегда следует светлый день Воскресения: не замедлит и за настоящею, сугубо великою для нас, Субботою последовать сугубо великое Воскресение, то есть, вместе с воскресением Господа, и наше избавление от обышедших нас зол, а впоследствии и воскресение всего Православного Востока из гроба четырехвекового рабства мусульманского»⁹.

В российском обществе уже с марта 1854 г. идущее противостояние стало восприниматься как очередной этап борьбы Запада против России. Турция как противник отодвинулась на второй план, а в осмыслении происходивших событий и в проводимой военной пропаганде одно из ключевых мест заняла память о войне 1812 г., ибо одним из основных противников вновь была Франция, во главе которой находился племянник Наполеона I. В многочисленных стихотворениях, памфлетах и карикатурах, печатавшихся на страницах газет и журналов, звучал мотив неблагодарности и вероломства французов. Довольно часто использовалась и религиозная фразеология: французы и англичане представлялись как отступники от веры и даже сравнивались с иудеями, распявшими Христа. Наиболее же излюбленной темой для проведения ассоциативных параллелей с 1812 г. стала фигура Наполеона III, который сравнивался со своим знаменитым родственником. Это сравнение, уже само по себе не в пользу «маленького племянника большого дяди», как правило,

заканчивалось напоминанием о печальной участи Наполеона I в России. Классическим примером является пользовавшееся огромной популярностью стихотворение В. П. Алферьева «На нынешнюю войну», положенное на музыку и проиллюстрированное художником П. Боклевским карандашными карикатурами, которые вышли вместе с текстом В. П. Алферьева в виде отдельного альбома под одноименным названием¹⁰.

Католическая Церковь Франции, так же как и Русская Православная Церковь, не осталась в стороне от религиозного истолкования причин, целей и смысла Восточной войны. Более того, пошла в этом плане гораздо дальше. 29 марта 1854 г. (н. ст.) архиепископ Парижский Мари-Доминик-Огюст Сибур выступил с посланием, которое с одобрения Наполеона III было опубликовано практически во всех ведущих газетах страны. В этом документе прелат не только признал религиозный, священный характер начавшейся войны, но фактически назвал ее новым крестовым походом, правда, направленным на этот раз, вопреки традиции, не против ислама, а против Российской империи и Православия. Подчеркнув преемственность политики Наполеона III и древних французских королей, являвшихся покровителями католицизма в Святой Земле («Франция... приняла от рук Провидения прерванную нить судеб»), и противопоставив «западной цивилизации» «российское варварство», Сибур открыл своей пастве «истинную причину предпринимаемой экспедиции»: не допустить усиления в Святой Земле и на Ближнем Востоке позиций Православной Церкви, а главное — подорвать влияние и могущество православной Российской державы. «Остановить шествие северного Гиганта, — заявил архиепископ Парижский, — ограничить и обессилить его могущество, вот вопрос жизни и смерти для образованных народов, для Церкви Христовой и для истинного христианства». Предполагаемое завоевание русскими Константинополя он представил как признак наступления «кончины мира»¹¹.

Другие французские прелаты тоже выступили с подобными воззваниями, хотя и не настолько смелыми, как у Сибура. 16 (28) мая 1854 г. настоятель русской посольской церкви в Париже протоиерей Иосиф Васильев писал директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К. С. Сербиновичу: «Французское правительство хотело дать настоящей войне против России оттенок религиозный. Епископы издали пастырские грамоты, в которых, изложив мнимые опасности Римскому католицизму со стороны России, приглашали паству к молитвам за успех французского оружия. Архиепископ Парижский особенно был странен в своем взгляде и грубо неумерен в выражениях. По какой-то непонятной логике он представил настоящую войну как продолжение крестовых походов, а предполагаемое завоевание русскими Константинополя как знамение пришествия Антихриста»¹².

Одним из проявлений духовно-религиозной стороны противостояния стала, в частности, политическая и религиозная пропаганда, активно проводимая католическим духовенством (особенно польского происхождения)

среди российских военнопленных с целью заставить их изменить веру и перейти на службу противнику (что зафиксировано в воспоминаниях многих офицеров и солдат)¹³, а также настойчивый отказ инославных священников отпевать умерших в плену православных воинов. Последнее обстоятельство нашло отражение в письмах и записках настоятеля русской посольской церкви в Париже протоиерея Иосифа Васильева, который во время войны остался во Франции и по поручению российского МИДа оказывал духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным, содержавшимся на острове Экс и в Тулоне¹⁴. Так, уже после первого посещения пленных соотечественников на острове Экс в сентябре 1854 г. отец Иосиф в записке, адресованной военному министру Франции маршалу Ж.-Б. Ф. Вальяну, выразил сожаление о том, что «настоятель прихода на острове Экс, ссылаясь на приказания Его Преосвященства епископа г. Ла-Рошель [Клемана Виллекура], отказывается от посещения умирающих и от присутствия на тех похоронах, которые уже имели место»¹⁵. Несмотря на рекомендацию маршала Вальяна министру народного образования и вероисповеданий И. Фортюлю согласовать с епископом Ла-Рошельским свои действия, чтобы «избежать в будущем подобных инцидентов»¹⁶, ситуация в этом вопросе не изменилась. В мае 1855 г., вернувшись на «тюремный остров» после вынужденного трехмесячного отсутствия, Васильев узнал, что за это время там скончались два русских солдата, которых похоронили «в отдаленном углу кладбища» без христианского погребения. Местный католический священник по распоряжению того же епископа Ла-Рошельского по-прежнему отказывался совершать какие-либо молитвы над прахом православных.

Трехмесячный перерыв в посещении отцом Иосифом русских пленных также стал результатом обострения межконфессиональных противоречий во время войны. Римско-католическое духовенство спровоцировало вокруг пастырской деятельности Васильева конфликт: протоиерея обвинили в «возбуждении среди пленных политических страстей» и запретили ему доступ к местам их содержания. Конфликт был инициирован ложным доносом аббата польского происхождения иезуита Еловицкого, действиям которого на острове Экс явно мешало присутствие русского протоиерея. Еловицкий проводил религиозное окормление находившихся среди российских пленных поляков, следствием чего стал переход на службу во французский Иностраннный легион 183 человек, в том числе троих унтер-офицеров¹⁷. Чтобы оправдаться и выполнить возложенную на него миссию, Иосиф Васильев был вынужден вступить в переговоры с французскими властями (военным министром Франции маршалом Ж.-Б. Ф. Вальяном, а по некоторым данным — с самим Наполеоном III), в ходе которых с честью вышел из затруднительного положения. Немаловажную роль в этом вопросе сыграла также позиция российских властей и русской прессы: 13 января 1855 г. в выходившей в Петербурге франкоязычной газете *Journal de Saint-Petersbourg*, являвшейся официальным печатным органом

российского МИДа, была опубликована статья, повествующая о «нравственных притеснениях» русских пленных во Франции и о «кознях иностранного духовенства»¹⁸. В итоге Иосифу Васильеву вновь разрешили доступ к пленным соотечественникам.

Следует отметить также, что, в отличие от 1812 г., французские солдаты на территории России уже не грабили в массовом порядке православные храмы и монастыри, а часто относились к ним с уважением, хотя отдельные случаи вандализма по отношению к святыням все же встречались. В Балаклавском Георгиевском монастыре, оккупированном во время войны англо-французскими войсками, французы даже подружились с монахами и довольно часто присутствовали на богослужениях в храме¹⁹. В то же время можно утверждать, что в целом французские военные середины XIX в. были все же менее религиозны, чем русские, у которых вера в Бога являлась одной из важнейших составляющих менталитета. Французский историк Марк Луи де Болливье, исследовавший отражение Крымской кампании в свидетельствах российских и французских военных, констатирует, что в письмах и воспоминаниях французских солдат и офицеров, участников Крымской войны, очень редко встречаются проявления их религиозности; более того, присутствуют даже такие признания: «...русские более христиане, чем мы, они заставляют нас краснеть»²⁰.

Таким образом, Крымская война имела ярко выраженную церковно-политическую и духовно-религиозную составляющую. Среди большого комплекса причин, породивших войну, важное место занимает церковно-политический фактор. Спор о Святых местах Палестины, вылившийся в международный кризис, был проявлением соперничества России и Франции за политическое влияние в Турции. Николай I, осознававший Российскую империю как гаранта прав Вселенской Православной Церкви, не мог позволить западной (прежде всего французской) дипломатии вытеснить себя с позиции защитника православных интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке, так как от этого напрямую зависели вес и влияние России в этом важном для нее регионе. Православная составляющая занимала важное место в идеологическом обосновании столкновения. И Русская Православная Церковь, и Католическая Церковь Франции видели в Крымской войне главным образом религиозное начало. Русские церковные иерархи рассматривали военный конфликт как борьбу за Святые места, за интересы Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи, а также как противостояние православной России и «неправославного Запада». Французские прелаты признавали священный характер войны, представляя ее как крестовый поход католичества против православия. Во время войны обострились межконфессиональные отношения, что, в частности, отразилось на положении русского духовенства и русских пленных во Франции. Все это дает возможность ряду современных исследователей Крымской

войны 1853–1856 гг. считать ее не только военно-политической борьбой государств, но и духовно-религиозным противостоянием разных цивилизаций. Этого взгляда и в России, и во Франции придерживались также многие современники: как руководители и идеологи столкновения, так и представители широкой общественности.

- ¹ Цит. по: Орлов А. А. Рец. на: Л. В. Мельникова. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. 392 с. // Российская история. 2015. № 4. С. 160.
- ² См., например: *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. Т. I. М.; Л., 1950. С. 135–136.
- ³ Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 364.
- ⁴ *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. Т. I. СПб., 1908. С. 383.
- ⁵ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* Святые места в центре Восточного вопроса: Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 61–75; *Анисимов О. В.* Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., 2014.
- ⁶ *Poroff A., prot.* La question des Lieux Saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX-me siècle: 2 vol. Т. 2. St. Petersburg, 1911. No. 393. P. 350–353.
- ⁷ ПСЗ-II. Т. 28. СПб., 1854. № 27628.
- ⁸ ПСЗ-II. Т. 29. СПб., 1855. № 27916.
- ⁹ [*Иннокентий (Борисов), архиеп.*] Слово во время бомбардирования Одессы неприятельским флотом // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического: в 8 т. Т. 8. СПб.; М., 1874. С. 21–22.
- ¹⁰ *Боклевский П.* На нынешнюю войну. М.: лит. Мартынова, 1855.
- ¹¹ Mandement de Monseigneur l'archevêque de Paris, qui ordonne des prières publiques pour le succès de nos armées en Orient (29 mars 1854) // *Le Constitutionnel*, journal politique, littéraire, universel. 1854. No. 90, vendredi, 31 mars. P. 1; *L'Union*. 1854. No. 91, samedi, 1-er avril. P. 3; *Journal des débats politiques et littéraires*. 1854. Samedi, 1-er avril. P. 2.
- ¹² *Васильев И. В., прот.* Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 г., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л. К. Бродским. Пг., 1915. С. 163–164.
- ¹³ *Коровин-Павловский И.* Из воспоминаний севастопольца // Военный сборник. 1871. № 12. С. 319–320; Восемь месяцев в плену у французов. (После Альмского дела). Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского // *Современник*. 1855. Т. 53, № 9–10. С. 171, 195.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* 1) Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. С. 121–137; 2) Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. С. 213–235.
- ¹⁵ Цит. по: *Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 года. СПб., 2007. С. 142.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 138.
- ¹⁸ *Journal de Saint-Petersbourg*. 1855. 13 janvier.

- ¹⁹ Подробнее см.: Мельникова Л. В. 1) Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 95–112; 2) Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. С. 91–105.
- ²⁰ *Bollivier M. L. de. La campagne de Crimée à travers les témoignages des militaires russes et français: essai d'anthropologie historique. Thèse pour le grade de candidat des sciences. Moscou, 2020. P. 299.*

References

- ANISIMOV O. V. Rossiya i Napoleon III: bor'ba za Svyatyte mesta Palestiny. [Russia and Napoleon III: the struggle for the Holy Places of Palestine. In Russ.]. Moscow, 2014.
- BOLLIVIER M. L. de. La campagne de Crimée à travers les témoignages des militaires russes et français: essai d'anthropologie historique. Thèse pour le grade de candidat des sciences. [The Crimean campaign through the testimonies of Russian and French soldiers: essay in historical anthropology. Thesis for the degree of candidate of sciences. In Fr.]. Moscou, 2020.
- Istoriya vneshney politiki Rossii. Pervaya polovina XIX veka. (Ot voyn Rossii protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.). [History of Russian foreign policy. First half of the nineteenth century. (From Russia's wars against Napoleon to the Peace of Paris in 1856). In Russ.]. Moscow, 1995.
- MEL'NIKOVA L. V. Balaklavskiy Georgiyevskiy monastyr' v gody Krymskoy voyny. [Balaklava St. George Monastery during the Crimean War. In Russ.] // Vestnik tserkovnoy istorii. 2011. No. 3–4 (23–24). P. 95–112.
- MEL'NIKOVA L. V. Nastoyateli russkikh posol'skikh tserkvey v Parizhe i Londone v gody Krymskoy voyny [Rectors of Russian embassy churches in Paris and London during the Crimean War. In Russ.] // Rossiyskaya istoriya. 2012. No. 4. P. 121–137.
- MEL'NIKOVA L. V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Krymskaya voyna 1853–1856 gg. [The Russian Orthodox Church and the Crimean War 1853–1856. In Russ.]. Moscow, 2012.
- MEL'NIKOVA L. V. Svyatyte mesta v tsentre Vostochnogo voprosa: Tserkovno-politicheskiy faktor kak odna iz prichin Krymskoy voyny. [Holy places in the center of the Eastern Question: The Church-Political Factor as one of the causes of the Crimean War. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2008. No. 6. P. 61–75.
- ORLOV A. A. Rets. na: L. V. Mel'nikova. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Krymskaya voyna 1853–1856 gg. M.: Kuchkovo pole, 2012. 392 s. [Review: L. V. Melnikova. The Russian Orthodox Church and the Crimean War 1853–1856. M.: Kuchkovo pole, 2012. 392 p. In Russ.] // Rossiyskaya istoriya. 2015. No. 4. P. 158–161.
- ROSS N. Russkaya tserkov' na beregu Seny. Ot zarozhdeniya khrama do 1917 goda [Russian Church on the banks of the Seine. From the birth of the temple to 1917. In Russ.]. St. Petersburg, 2007.
- TARLE Ye. V. Krymskaya voyna [Crimean War. In Russ.]: In 2 vols. T. I. Moscow; Leningrad, 1950.
- ZAYONCHKOVSKIY A. M. Vostochnaya voyna 1853–1856 gg. v svyazi s sovremennoy yey politicheskoy obstanovkoy [Eastern War 1853–1856 in connection with the contemporary political situation]: In 2 vols. T. I. St. Petersburg, 1908.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. В. Мельникова. Россия и Франция в борьбе за Святые места Палестины и в Крымской войне: церковно-политическая и духовно-религиозная составляющая противостояния // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 84–93

Аннотация: В статье анализируются сущность и значение церковно-политических вопросов во внешней политике России и Франции накануне войны (что нашло отражение в дипломатическом споре двух стран о Святых местах Палестины), а также духовно-религиозная составляющая вооруженного столкновения. Рассмотрены: религиозная подоплека идеологического обоснования войны в России и Франции (в частности, официальная позиция по отношению к войне Русской Православной и Французской Католической Церквей), роль в войне русского духовенства, отношение французского католического духовенства к российским военнопленным и др. Показано, что Восточная война уже многими современниками воспринималась не только как военно-политическое столкновение государств, но и как цивилизационный конфликт России и Западной Европы. Эта точка зрения имеет место и в современной историографии.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 гг., Россия, Франция, Святые места, Русская Православная Церковь, Католическая Церковь Франции, духовенство.

FOR CITATION

L. V. Melnikova. Russia and France in the struggle for the holy places of Palestine and in the Crimean War: church-political and spiritual-religious components of the confrontation // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 84–93

Abstract: The article analyzes the essence and significance of church-political issues in the foreign policy of Russia and France on the eve of the war (which was reflected in the diplomatic dispute between the two countries about the holy places of Palestine), as well as the spiritual and religious component of the armed conflict. The article examines: the religious background of the ideological justification for the war in Russia and France (in particular, the official position on the war of the Russian Orthodox and French Catholic Churches), the role of the Russian clergy in the war, the attitude of the French Catholic clergy to Russian prisoners of war, etc. It is shown that The Eastern War was already perceived by many contemporaries not only as a military-political clash of states, but also as a civilizational conflict between Russia and Western Europe. This point of view also occurs in modern historiography.

Key words: Crimean War 1853–1856, Russia, France, holy places, Russian Orthodox Church, French Catholic Church, clergy.

Автор: Мельникова, Любовь Владимировна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Author: Melnikova, Liubov Vladimirovna — Dr in History, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: melnikova-lv@mail.ru